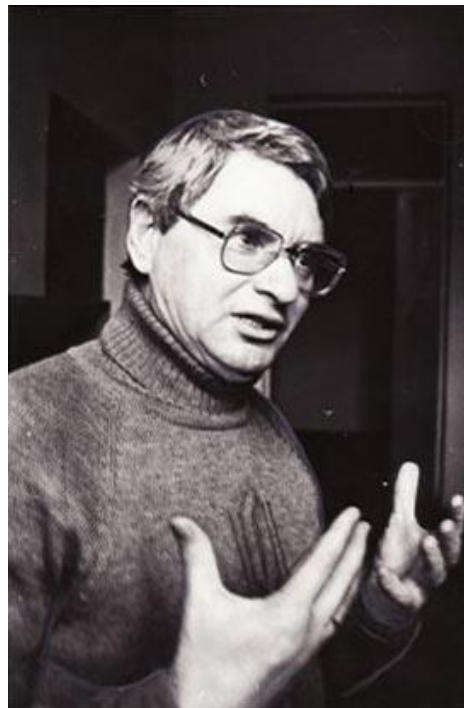

ПУТЬ ИЗГОЯ

Известному прозаику, литературному критику, переводчику, публицисту и эссеисту Герольду БЕЛЬГЕРУ 28 октября нынешнего года исполнится 75 лет.

Он родился в 1934 г. в г. Энгельсе, тогдашней столице АССР Немцев Поволжья, и о своих далеких предках знает не много. Доподлинно известно ему только, что его прадеды в ХУШ в. обосновались в приволжской немецкой колонии Кинд, а позже значатся среди основателей дочерней колонии Мангейм, что свидетельствует в пользу того, что они были выходцами из Пфальца....

Его дед по отцовской линии в 1921 г. умер от голода. У него было семеро детей. «Все они были рослые, статные, длинноногие, светлоглазые – дядя Генрих, Вильгельм, Фридрих, Христиан, отец Карл, тети Эмилия и Гермина. Все отцовские братья погибли в трудармии, сестры умерли в Павлодаре, отец покойся в Ташкенте. В сущности, после депортации 1941 г. у всех трагическая судьба. Их боль сконцентрировалась в моей душе», - пишет Бельгер.

«Воспоминания мои о немецких селах, конечно, детские, куцые, отрывочные, но теплые и добрые. Собственно, я бывал только в Мангейме, Зихельберге, Солянке и Гнаденфлюре», - пишет о своей родине в Поволжье юбиляр. Но он хорошо помнит приветливые крестьянские лица, опрятные жилища, летние помещения-бакхаузы, молодежь на велосипедах, музыкантов в духовых и струнных оркестрах, шумную жизнь в клубах и избах-читальнях, шествия пионеров, маршевые ритмы антифашистских «Единого фронта» (Einheitsfrontlied) и «Болотных солдат» (Moorsoldaten), громоздкие немецкие фуры, на которых колхозники с песнями ездили на работу и возвращались с полей, чудо времени – патефоны, подворья, сады, огороды, свадьбы, детские игры, забавы, пахучие пончики-брецели, топленое молоко, домашние колбасы и сыр-коккезе... Кое-что сохранилось в цепкой детской памяти, и та невозвратная жизнь, те радужные блики навсегда ушедшего бытия он воспринимает ныне живым отголоском Времени, чистого, одухотворенного, доброго, полного счастья и надежд, допуская конечно, что это восприятия наивной детской души, для которой мир всегда прекрасен.

В ауле

Черный указ Кремля от 28 августа 1941 г. разрушил этот мир в одночасье. И хотя само слово «депортация» он услышал многие годы спустя, сама депортация врезалась ему в сердце, в душу, в сознание на всю жизнь, как самое страшное горе и вопиющая несправедливость. В семилетнем возрасте, угодив в водоворот тогдашних событий, он был вместе с родителями сослан в Казахстан. В казахский аул на берегу степной речки Ишим. В качестве государственного преступника. Без прав и имущества.

Этот небольшой казахский аул на берегу обрамленного тугаями Ишима-Есиля сыграл исключительную роль в становлении личности будущего писателя и во всей его

дальнейшей судьбе. Позже он неоднократно писал о том, что все самое светлое и доброе, чистое и искреннее, возвышенное и благородное его детства, отрочества, юности связано с этим аулом, волею судьбы ставшим для него родным.

На двенадцатом году жизни привязалась к нему тяжелая болезнь – туберкулез тазобедренного сустава, которую к тому же определили не сразу. 28 лет с редкими перерывами передвигался он только на костылях. На преодоление этого физического недуга ушли годы, масса сил, о чем и вспоминать-то тяжело. Но кроме тяжелой болезни неотступно преследовало его и более страшное – нравственное, социальное горе.

В 16 лет его поставили на учет спецкомендатуры, и он каждый месяц был обязан «отмечаться» у коменданта. «Знаю, некоторые к этой процедуре относились более-менее спокойно, как к неизбежному злу. Для меня же это было ужасно, несправедливо, кощунственно, унижительно, оскорбительно. Все мое существо бунтовало против такого насилия», - вспоминает Герольд Карлович.

Хождения по мукам

Отличник учебы, он мечтал об ИМО, о МГУ, об учебе, на худой конец, в Алма-Ате. Его старший товарищ Николаус Вагнер ухмылялся: «Выкинь из головы. Немцу хода нет! Какая Москва?! Какая Алма-Ата?! До Петропавловска и то не доберешься!». Уже умудренный соответствующим опытом, старший товарищ оказался прав. Паспорта нет. Разрешения райУМВД нет. Вызова из института тоже. И начались мытарства. Хождения по мукам подранка, беззащитного немца-переселенца...

Борясь с физическим недугом, он не забывал о своей мечте – образовании. Много, до одури, читал, конспектировал. И еще строчил бесконечные заявления – Председателю Верховного Совета СССР Ворошилову, Министру внутренних дел СССР Круглову, депутатам Казахской ССР, ректорам университета и институтов, в редакции газет. Отвечали редко, но он не сдавался и продолжал писать.

«... заявления, прошения, жалобы стали тогда моим главным литературным жанром. Тема одна: почему я, советский немец, не имею права учиться в высшем учебном заведении?», - пишет Бельгер. Положение бесправного изгоя, немца-переселенца, которому, как и сотням тысяч его соплеменников, по воле кремлевских правителей была уготована судьба безвестного раба большевистской системы, изменилось только после смерти красного диктатора. И то не сразу.

В 1954 году он подал документы на факультет русского языка и литературы КазПИ им. Абая, успешно сдал вступительные экзамены и опять не был принят по тому же национальному мотиву. Только благодаря энергичному заступничеству его земляка, второго секретаря ЦК комсомола Казахстана, который учился в той же школе, что и он сам, и благосклонному отношению директора института, Героя Советского Союза Малика Габдулина, он все же был зачислен в институт, который затем успешно закончил. С одной лишь четверкой. По основам марксизма-ленинизма.

Путь на Олимп

Слава и почет пришли не в одночасье, а в результате многолетнего, упорного и кропотливого труда. Лауреат премии Союза писателей Казахстана им. Беимбета Майлина, заслуженный работник культуры Республики Казахстан, лауреат Президентской премии Мира и духовного согласия, кавалер ордена «Парасат»... Известности и признания ему не занимать. Таланта и трудолюбия тоже. Уже многие

годы он неизменно и успешно выступает в качестве «посредника», «связующего звена» между тремя литературами Республики Казахстан – казахской, русской и немецкой.

Несмотря на огромную загруженность и массу других важнейших дел так называемая «советская немецкая литература» была и остается предметом его постоянных забот, усилий, неослабного внимания, его больным местом, кровным делом. Будучи председателем по немецкой литературе при Союзе писателей Казахстана, он оказывал существенное влияние на развитие этой литературы. В качестве критика, переводчика, составителя литературных сборников, которых он составил более десяти, редактора и издателя многочисленных книг российских немецких писателей. Не случайно его рассказы и критические статьи неоднократно отмечались премиями газет «Нойес Лебен» и «Фройндшафт». Его доброжелательное отношение к молодым авторам следует подчеркнуть особо. Многие известные сегодня литераторы испытали это на себе.

В одной из своих публицистических работ Бельгер пишет: «В молодости хочется быть интересным, сложным, заумным, витиеватым, вычурным. Этой болезнью болеет большинство литераторов. Некоторые так и не в состоянии побороть эту „детскую болезнь“. Боятся простоты, ясности, доступности. Боятся, что обвинят в примитивизме. Напрасные страхи!» Лучшей иллюстрацией этого вывода является творчество самого Герольда Карловича, который давно зарекомендовал себя как прекрасный эссеист, каждая мысль которого отличается законченностью и ясностью. Недаром его эссе вошли в 33 сборника, а в периодической печати опубликовано более 650 его работ. Но и это лишь незначительная часть его творчества. Он является автором целого ряда прозаических, исследовательских, литературно-критических трудов. Его книги «Сосновый дом на краю аула» (1973), «Чайки над степью» (на нем. яз., 1976). «За шестью перевалами» (1977), «Живые приметы родства» (на нем. яз., 1981), «Брат среди братьев» (1981), «Созвучие» (1982), «Лицом к лицу со временем» (на нем. яз., 1984), «Мотивы трех струн» (1986), «Каменный брод» (1987), «Гете и Абай» (1989), «Родство» (1991), «Завтра будет солнце» (1992), «Земные избранники» (1995) неизменно вызвали огромный интерес читателей. Не случайно они практически отсутствуют на полках книжных магазинов Казахстана. Журнал *Vox populi* решил даже восполнить этот пробел, издав книгу избранных произведений писателя, куда вошли два его романа – «Туюк су» и «Разлад», а также три эссе – «Вольные строки», ранее печатавшиеся под названием «Плетенье чепухи», «Казахское слово» и «Аул».

Уже простое перечисление основных работ писателя позволяет заключить, что речь несомненно идет о творчестве именитого мастера слова, прошедшего долгий и тернистый путь на казахстанский Олимп и прочно завоевавшего свое место в литературном ландшафте республики.

Заканчивая свой рассказ «На сопках Маньчжурии», писатель пишет: «В глухой алтайской деревне угасал изможденный, иссохший Эдуард Шиллинг.

Entschwunden ist das Liebesglück,
Die Schwalbe bringt es nie zurück.

Ветер времени обнажил, а потом и вырвал корни жизни. Вырвал и разметал по низовьям и верховьям унылого бытия.

Так что же было? Ложь и боль? И это – жизнь? В этом – все? Жил ли он? Или отбывал повинность? Не было ответа.

В глухом алтайском поселке тихо угасал одряхлевший от жизни и хворостей Эдуард Шиллинг. И было так худо, так тяжело оттого, что чувствовал он себя пронзительно одиноким, никому не нужным (...) И лишь иногда вспыхивали в меркнувшем мозгу яркие блики, дивные видения, будто в прекрасном сне, и он отчетливо видел родную, уютную деревню Зонненфельд, песчаный волжский берег, безбрежную синь, городской сад со стройными липами, и тогда в душе просыпались звуки – чарующая мелодия бессмертного вальса «На сопках Маньчжурии». Вслед за этими звуками грезилась ему в голубом тумане милые очертания девичьего лица, чистого, юного и восторженного, открытого любви и счастью... ». Таков неповторимый, отмеченный печатью страдания почерк мастера. Почерк Герольда Бельгера, которому десятки тысяч его поклонников, друзей, коллег и соратников в этот памятный для него день желают новых творческих удач и свершений на благо трех литератур – немецкой, казахской и русской.

Роберт Корн